

Галина Голицына

Финансы поют романсы

«Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала, и крылья эту свадьбу вдаль несли! Широкой этой свадьбе было места мало, и неба было мало, и земли!..»

В продолжение свадебного дня и вечера песню эту прокрутили раз тридцать, не меньше. Сначала гуляющий и танцующий люд очень обрадовался хиту столетней давности, особенно те, кому за пятьдесят. Молодёжь тоже отнеслась к песне благосклонно, хотя многие слышали её впервые. После третьей прокрутки уже улюлюкали — приветствовали, как старую знакомую. Но после восьмого раза она надоела всем — и пожилым, и молодым, но свадьба же ещё не кончилась, поэтому песню заводили вновь и вновь, и все покорно шли отплясывать.

Моя подружка Олимпиада выходила замуж за любовь всей своей жизни — Игната Игнатов, бывшего одноклассника своего родного брата Кирилла. Сам Кирилл Барышев был на этой свадьбе свидетелем со стороны жениха, я же была свидетельницей со стороны невесты.

Я — Аня Ермолаева, совладелица детективно-охранного агентства «Ангелы». (Подразумевается, что у нас работают ангелы-хранители. Вам нужен персональный ангел-хранитель? Обращайтесь! Любой каприз за ваши деньги!)

Вторым совладельцем агентства «Ангелы» является мой брат Феликс Штосс. Вообще-то говоря, он не просто совладелец, он — глава нашего агентства, потому что старше меня, умнее, опытнее и вообще — мужчина. А я при нём — так, девочка на побегушках.

С сегодняшними виновниками торжества, то есть с женихом, невестой и свидетелем со стороны жениха, который одновременно приходился братом невесте, я познакомилась в то время, когда мы с Феликсом спасали Игната Игнатово от тайного врага, который жаждал его смерти. Мне даже пришлось какое-то время поработать домработницей в доме у Игнатово, чтобы он круглосуточно был под моим неусыпным контролем. Там я и познакомилась с милой Липочкой, которую называли Олимпиадой не в честь бабушки или прабабушки, как сразу же подумалось мне, романтически настроенной барышне, а в честь Олимпиады-80, потому что она вздумала тогда родиться.

Мой брат Феликс сегодня тоже был в числе

гостей. Был он в паре с Настей Колосковой, которая когда-то была нашей клиенткой, а теперь стала Фединой подругой жизни.

Федя — это домашнее имя Феликса. Так его всегда называла бабушка, которая, собственно, и вырастила нас, потому что мы с братом с детства — круглые сироты. Сначала трагически погиб Арнольд Штосс, отец Феликса. Потом наша мама, оплакав потерю первого мужа, вышла замуж за Тихона Ермолаева и родила меня. А потом мои родители утонули, исследуя подводные пещеры. И все тяготы по нашему возвращению и воспитанию легли на плечи бабушки, кандидата физико-математических наук, доцента нашего областного университета. Наш дедушка, который был профессором и деканом биологического факультета, тоже умер, и бабушка тянула нас в одиночку. Вытянула. Ну, она же была не просто советская женщина, которой по статусу полагалось быть строителем коммунизма! Она была та самая некрасовская русская женщина, которая — и коня на скаку, и в избу горящую, и внуков поднять самостоятельно... Запросто! Только имя внука ей не очень нравилось. Вызывало стойкие ассоциации с мировой революцией и Железным Феликсом. Поэтому нашего Феликса она раз и навсегда переименовала в Федю. Ну, так он для меня Федей и остался. А для клиентов он — Феликс

Арнольдovich.

Настя Колоскова с недавних пор (с того дня, когда он переехал к ней жить) тоже зовёт его Федей, и это делает Настю тоже как бы членом нашей семьи. Я надеюсь, что совсем скоро я женю братца на этой милой девушке.

А сегодня проходит свадьба Игната и Липы, которую тоже, по большому счёту, устроила я. Не то они ещё сто лет стеснялись бы открыться друг другу! А Липочкин братец Кирилл спит и видит, как бы самому на мне жениться. Вот как всё смешалось в доме Облонских!

Накануне этой свадьбы мы с Кирюшей здорово поругались. Он приревновал меня к Мишке Капустину, нашему последнему клиенту. А я тогда изображала сильную заинтересованность в этом самом Капустине. Ну, так для дела надо было, но Кирия этого не понял. Надулся, как маленький... Думала, он и на свадьбу не придёт. Я уже была готова к тому, что мне придётся одной отдуваться, изображая и свидетеля, и свидетельницу. Но Кирилл не рискнул портить праздник сестре. На свадьбу явился как положено, роль свою отыграл безупречно, но со мной держался очень холодно. Мне это, кстати, было только на руку: я танцевала без устали, не отказывая никому из приглашавших меня. Кирилл мрачнел всё больше, а я вдруг

обнаружила, что мне очень нравится его дразнить!

Когда подвыпившая публика, устав кричать «Горько!» молодожёнам, стала кричать «Горько!» нам с Кириллом, я только отмахнулась и пояснила нетрезвым гостям, что некогда мне, извините. Да что я, обязана, что ли? Ещё и танец из-за этого прерывай...

Но Кира воспринял мой отказ как личное оскорбление и до конца вечера со мной не общался. Я, правда, этого не заметила. Заметила это Настя Колоскова и шепнула мне на ушко, что надо бы с парнем быть поласковее. Мне не хотелось расстраивать милую Настеньку, поэтому я обещала ей подумать над этим вопросом.

А потом свадебный вечер подошёл к концу, и пришло время невесте бросать букет. Для этого главного действия, завершающего свадебный вечер, гости высыпали из ресторана на улицу. Все незамужние девушки сбились в стайку, Липа повернулась к этой стайке спиной... Музыка замерла... Барабанная дробь... И вот букет в полёте, и множество девичьих рук тянется к нему...

Я была уверена, что букет достанется Насте. Во-первых, очень уж мне хотелось, чтобы она поскорее вышла замуж за Феликса, а во-вторых, рост у Настеньки — баскетбольный, ей в самую пору под кольцом стоять. Протянула руку — и отбила мяч. Или, наоборот, положила его в корзину,

причём без особого напряжения. Так, я думала, получится и с букетом невесты: протянула руку поверх всех голов и спокойно взяла.

Но не тут-то было! Свадебный букет, мечта каждой незамужней девушки, достался... случайному молодому человеку, который и на свадьбу-то не был приглашён! Он просто шёл мимо ресторана и вознамерился пробиться через девичью толпу, преградившую ему дорогу. Девушки упорно не хотели его пропускать, а тут ещё и охапка цветов свалилась буквально на голову... Просто ужас какой-то. Он так возмутился! Правда, падающие цветы успел ловко отбить от своего лица, букет рассыпался на отдельные составляющие, и разрозненные цветы попали в руки девушек. Многим, кстати, перепало по цветочку.

Сначала у всех присутствующих был шок. Потом шок сменился нервным смехом. Но в свете того, что молодой человек очень ловко отбил цветочную атаку и досталось всем сестрам по серьгам, присутствующие единогласно решили, что это очень хорошая примета.

Девушки, ухватившие по цветочку из Липкиного букета, с этим были вполне согласны. А я увидела, как рождаются новые приметы.

Нам с Настей не досталось из того букета ничего, потому что мы — девушки воспитанные, никого локтями не расталкивали в надежде

ухватить вожаденный цветочек. А может, и не только поэтому... Просто Настя уже побывала однажды замужем, и второй раз наступать на те же грабли не торопилась. А я так увлечена своей работой и так ценю свободу, что о замужестве даже и не думаю. Неинтересно мне это.

Пока девушки, расхватывавшие цветы, ревниво оглядывали свою добычу и трофеи подруг, на глазок прикидывая, кому из них досталось больше свадебной флоры, молодой человек, виновник всей этой неожиданной кутерьмы, узрел моего брата и радостно бросился к нему:

— Феликс, ты?! Надо же, на ловца и зверь бежит...

Вообще говоря, не заметить моего брата трудно. В любой толпе он сильно выделяется. Судите сами: рост у него — два ноль два, то есть два метра два сантиметра. Это по утрам, когда отдохнувший за ночь позвоночник выдаёт свой лучший результат. К вечеру, когда у каждого человека позвоночник устаёт и скукоживается, мой братец тоже «усыхает» до одного метра девяноста девяти сантиметров. Однако можете мне поверить: это ничуть его не портит. Во-первых, на фоне двух метров какие-то жалкие три сантиметра не так уж бросаются в глаза; во-вторых, Феликса природа одарила красотой необычайной. Статую Аполлона Бельведерского видели? Так вот, его ваяли с моего

брата.

Конечно, человек с *таким* ростом и *такой* внешностью, как бы скромно он ни держался, всегда будет выделяться из любой толпы. Понятное дело... И теперь молодой человек, случайно оказавшийся в центре свадебной толпы, завидев Федю, радостно бросился к нему, как попавший в шторм корабль — к маяку.

Они пожали друг другу руки крепким мужским рукопожатием, потом долго хлопали друг друга по могучим плечам (потому что незнакомец тоже был Феде под стать) и радостно смеялись.

Мы с Настей направились к ним и, не дойдя трёх шагов, остановились, чтобы не мешать. Детская радость, разлившаяся по их мужественным лицам, умиляла.

— Надо же, как повезло! — радовался молодой человек. — А я в последние дни только о тебе и думаю! Собирался в понедельник к тебе!

— Так чего нам ждать понедельника? — радовался в ответ Федя. — Выкладывай, что там у тебя? И вообще — что ты, как ты? Я же тыщу лет тебя не видел! Где работаешь, чем занимаешься?

— Да в банке я работаю. Начальником службы безопасности.

— А я тебе зачем? Может, вашему банку деньги девать некуда и ты хочешь поделиться со мной? Сразу говорю: не откажусь.

— Что ты, что ты, — замахал руками незнакомец, — какое там «поделиться»! Смеёшься, что ли? Всё совсем наоборот. Мы недавно влетели на девять «мультиков», но, на наше счастье, существуют страховые компании. Теперь наш управляющий третий день на радостях пьёт шампанское, а хозяин страховой фирмы третий день пьёт яд, да не берёт его... Вот по этому поводу я и собирался к тебе.

— Секундочку, Гриша, давай уточним: по поводу яда или по поводу шампанского?

— По поводу самой ситуации. Может, ты сможешь те деньги найти и вернуть? А нет, так хоть помоги нам в следующий раз не вляпаться...

Феликс заинтересовался:

— А девять «мультиков» в какой валюте?

— В самой что ни на есть зелёной... — закручинился незнакомец по имени Гриша.

— Круто вы живёте! — восхитился Феликс. — Раньше говорили: полюбить — так королеву, проиграть — так миллион! Проигрывали миллион и с горя стрелялись. А теперь теряют целых девять миллионов, и при этом не только не стреляются, а даже шампанское пьют! Что же дальше-то будет, а? Нюрка, что дальше будет? — обратился он ко мне.

Я сделала два малюсеньких шажка в их сторону, пожала плечами и осторожно сказала:

— Я думаю, в следующей серии небо упадёт на землю. Только финал будет счастливый: вместо конца света на земле наступит царствие небесное. Будет играть громкая музыка, люди будут веселиться и пить шампанское.

И снова пожала плечами.

Незнакомец Гриша недоуменно посмотрел на меня, потом на Федю, потом снова на меня и, глядя мне прямо в глаза, спросил:

— Это кто?

— Вы у меня спрашиваете? — уточнила я.

— Нет. У Феликса.

— Так к нему и обращайтесь! — всплеснула я руками.

Феликс одной рукой обнял меня за плечи:

— Это, Гришаня, сеструха моя. Анютка.

Я сделала книксен.

Второй рукой Федя облапил Настенькины плечи:

— А это — Настасья. Подруга моя. Самая близкая.

С её стороны последовал царственный кивок.

Оглядев Настю, незнакомец нервно облизал губы и уважительно выдохнул:

— Ого...

Ну да, если учесть, что Настя всего-то на полголовы ниже Феди... А если она на каблуках, как сегодня, так разница в росте вообще незаметна.

Так что действительно — ого...

Федя представил нам молодого человека:

— А это, девочки, Гриша, мой хороший знакомый.

— Очень приятно, — сказали мы с Настей в унисон и чинно кивнули.

Сказать по правде, ничего особо приятного я в этом знакомстве для себя не увидела, но таковы уж правила приличия, чёрт бы их побрал...

Федя немножко подумал и сказал:

— Вот что, Гриша, я думаю. Мы сейчас являемся гостями на свадьбе, да Анютка ещё и при исполнении обязанностей свидетельницы. То есть мы очень заняты. Пригласить на чужую свадьбу я тебя не могу. Права не имею.

— Что ты, с ума сошёл? — испугался Гриша. — Зачем мне чужая свадьба?

— Тогда вот что... Если твоё дело не очень спешное...

— Да как сказать...

— Но до завтра-то ждёт? — поднял брови Феликс.

— И даже до послезавтра, — кивнул Гриша, — но не дольше.

— Вот и ладненько, — обрадовался Феликс. — Значит, мы с тобой потом встречаемся в спокойной обстановке и в рабочем порядке решаем твои вопросы. Лады?

— Лады, — пожал плечами Гриша, откланялся и отбыл по своим делам.

А пока мы с этим странным Гришей разговоры разговаривали, жених с невестой тоже отбыли, предоставив гостям возможность дальше веселиться самостоятельно.

Федя сказал мне:

— Ладно, Нюрка, хватит сачковать. Перекур закончен, надо идти веселить гостей. Ничего не поделаешь, сегодня у тебя работа такая.

Я сразу поскучилась:

— Да ну их, гостей этих... Сейчас начнут с пьяных глаз кричать «Горько!» нам с Барышевым, раз жених с невестой укатили... Тоже мне, забаву выдумали: заставлять целоваться свидетелей! А если они сегодня только познакомились? И совсем друг другу не понравились? И целоваться им вовсе не хочется!

— Понимаю, — кивнул Феликс. — Тебе это всё глубоко противно, я вижу по твоему довольному лицу.

— Федя, — сказала Настя с упрёком, — а если ей действительно не хочется веселить толпу и целоваться с Барышевым?

— Давно ли ей это расхотелось? — отозвался он сварливым тоном.

А надо вам сказать, что мой Федя, как любой нормальный старший брат, неусыпно печётся о

благополучии своей младшей сестрёнки. Он до сих пор считает меня маленькой девочкой, неразумной и шаловливой, за которой — глаз да глаз! И когда Барышев стал активно за мной ухлёстывать, Федя поначалу страшно возмутился: как так? Что это за нахал? Да как он смеет?! Но потом осмотрелся по сторонам, одумался и понял, что лучше уж один Барышев, чем толпы юнцов, которые так или иначе будут крутиться вокруг юной девушки, одинокой и свободной. Иди знай, что это за юнцы... А Кирилл Барышев — уважаемый человек, солидный бизнесмен и даже депутат областного совета. И Федя полагает, что такой ухажёр способен держать назойливых юнцов на приличном расстоянии от меня. То есть рядом с Барышевым я буду вне опасности, а толпы наглых юнцов перестанут меня осаждать.

Конечно, никакие наглые юнцы никогда вокруг меня толпами не толпились, но у страха глаза велики, и брат мой всю жизнь пребывает в полной уверенности, что без надёжной защиты мне не обойтись. Поэтому он согласился на присутствие Барышева в моей жизни и даже в моём доме. Когда Федя сам выпорхнул из бабушкиного дома, нашего родового гнезда, и перелетел жить к Настеньке, я осталась в доме совершенно одна, и разве могла обойтись без телохранителя?

Комизм ситуации заключался в том, что

телохранителем как раз была я — и по профессии, и по призванию, а Кирюша — ну, как вам сказать... Он — просто мужчина. Физической силы у него больше, чем у меня, это безусловно. Но физическая сила играет важную роль только в открытом поединке, причём в ближнем бою. Однако современные люди всё-таки достаточно далеко ушли от дикарей, поэтому драки в нашем обществе случаются крайне редко, а поединки давно перестали быть открытыми. Нынче особой доблестью считается победить противника хитростью и изворотливостью ума, а в этом деле, увы, мужчины сильно проигрывают слабому полу.

Ну а я в этом плане — лучшая среди женщин.

Да-да, не смейтесь! Я — умная, красивая, а главное — очень скромная... Жаль только, брат мой так не думает. Так прямо и заявляет: «Ты, Анюта, всем хороша, но нет в тебе главного украшения девушки!». А главным украшением девушки у нас до сих пор считается скромность. Азиатских девушек родители и женихи украшают килограммами золотых безделушек и дорогими одеждами, а наши должны сами себя украшать скромностью.

А я вот решила обходиться без украшений. Точнее, без самого главного украшения. И ничего, живу же как-то...

Мы вернулись в ресторан. Очень мне не хотелось уходить с вольной воли, со свежего воздуха и возвращаться в замкнутое душное помещение, но Феликс прав: сегодня у меня такая работа, и ничего тут не поделаешь...

То, чего я опасалась больше всего, так и не случилось: никто из гостей и не думал кричать «Горько!» нам с Барышевым. На столах оставалось ещё много еды, ещё больше — выпивки, а мальчики модельно-голливудского вида, которые, казалось, не всерьёз, а просто по приколу, в перерыве между съёмками пришли сюда поработать официантами, бесшумными тенями скользили между столами, расставляя на них запотевшие бутылки и подносы с фруктами.

Я-то думала, что после отбытия молодожёнов главными действующими лицами здесь останемся мы, свидетель и свидетельница, но ничего подобного не случилось. Народу и без нас было чем заняться.

Я с удивлением смотрела на увлечённо пьющих и жующих гостей и думала: куда в них столько влезает?! Или им известен секрет четвёртого, пятого, двадцать пятого измерения? Потому что в обычный желудок столько просто не поместится!

И ещё один вопрос занимал меня чрезвычайно: в нашей благословенной средней

полосе ветки в садах просто ломаются под тяжестью вишен, яблок, слив и абрикосов. Почему же нашим людям на праздничный стол надо обязательно подавать бананы-ананасы, странные цитрусовые гибриды со смешным названием «помело» и, извините за выражение, маракуйю? Какая уж такая особая радость в этой экзотике?!

Порассуждав так немножко на общефилософские темы, я обратила внимание на Кирилла. Он молча сидел за столом со стаканом минералки в руке. Не пил воду, а просто держал стакан в руке. И смотрел на пьющую, жующую и танцующую публику. И в глазах его плескалось такое неподдельное удивление!..

Я тронула его за плечо:

— Я тоже удивляюсь: сколько же можно есть и пить?

— Да ещё в такую жару! — поддакнул он.

Ага, уже не злится... Хороший признак! Есть надежда обойтись без выяснения отношений...

— Кирюша, как ты думаешь, нам ещё долго здесь сидеть полагается?

— Давай подумаем. Как только Липка с Игнатом слиняли, наш стол публику интересовать перестал. И теперь уже вряд ли заинтересует. Мы же с тобой состояли при монарших персонах в качестве свиты. А когда монархи уходят со сцены, кого интересуется их свита? Следовательно,

присутствуем мы здесь или отсутствуем, для гостей никакого значения не имеет.

— То есть мы можем валить отсюда прямо сейчас?

— Да запросто!

И мы свалили.

Чтобы наш уход не выглядел слишком нарочито, мы пошли танцевать в общий круг, а когда в очередной раз грянула смертельно надоевшая песня про свадьбу, мы с Кириллом «под разливы деревенского оркестра» пошли на улицу — ну, якобы подышать свежим воздухом.

Обратно мы, понятное дело, не вернулись.

Пошли прогуляться по набережной. Долго гуляли и долго разговаривали. Он задавал мне вопросы, и я максимально честно на них отвечала. Потом роли менялись: спрашивала уже я, а отвечал он.

Он просил:

— Аня, скажи мне открытым текстом: что я должен сделать, чтобы стать твоим принцем?

Я смеялась и говорила:

— Все принцы вымерли давным-давно, буквально вслед за динозаврами.

— Нет, не все! Я-то остался!

— И как тебе это удалось? — удивлялась я. — Ты закапсулировался, что ли? Окуклился?

— Ага, точно! И таким образом пережил

трудные времена. А теперь вот снова вылупился.

— Ты-то вылупился, да спрос на принцев нынче невелик...

— Разве?.. А я слышал, что буквально все девушки о нас, принцах, мечтают день и ночь, во сне нас видят...

Я трясла головой:

— Не верь никому, врут все бессовестно! Романтизма в людях вовсе не осталось, одни прагматики вокруг! А девушки нынче холодные, расчётливые — эгоистки, одним словом.

— Откуда знаешь?

— В журнале прочтала. Так что сам подумай: зачем этим бездушным эгоисткам принцы? Они и обращаться-то с ними не умеют...

— А ты?

— Что — я? Умею ли я обращаться с принцами?

— Нет, не в принцах дело, меня интересует другое: ты тоже — холодная, расчётливая, бездушная эгоистка?

Я задумалась:

— А в самом деле, какая я? Вот ты, например, кого видишь, глядя на меня?

Теперь уже призадумался Кирилл:

— Кого же я вижу?.. Вижу хрупкую красавицу, которая обожает огромные сумки. Красавица эта могла бы потрясать мужское

воображение замысловатыми причёсками, но почему-то не делает этого. Вместо причёсок она собирает свои роскошные волосы в трогательный хвостик, с которого всё время съезжает резинка, которую так и хочется подойти и подправить, чтобы не съехала окончательно. Красавицу эту хочется защищать от жизненных невзгод, оберегать от малейшего дуновения ветерка... Но кого защищать, если красавица эта сама защищает вполне взрослых дядек, причём не от дуновения ветерка, а от пули снайпера, от яда, от неожиданной подставы...

— Одно другому не мешает... — вставила я.

— Не смей меня, Аня! Защищать защитницу? А смысл? В то время, когда ты сама вполне осознанно лезешь под пули, я буду оберегать тебя от сквозняка? Зачем?

— И то правда, — пробормотала я. — Мёртвые не потеют. И не простужаются... А что, разве принцы нужны только для защиты принцесс от простуды? Это что, такое новое патентованное средство? *«Лекарство «Принц на белом коне!» Надёжно защитит вас от простуды в любую погоду!»* А что, неплохой слоган... Можно продать рекламщикам...

Он досадливо цыкнул и что-то тихо пробормотал себе под нос. Я благоразумно не стала переспрашивать, что именно, потому что

догадалась, что мне это вряд ли понравится.

Вот так мы и прогуливались — до тех пор, пока у нас ноги не заболели. Да и небо к тому времени уже стало светлеть: вот-вот солнышко выкатится.

«Спи, ночь в июле только шесть часов...»

Спать мы поехали ко мне. Ну, потому что я вообще не очень люблю спать вне дома, для Кирилла место ночёвки не имеет значения, а расставаться нам не хотелось.

Конечно, была ещё одна причина моего вновь вспыхнувшего интереса к Барышеву. Ревность. Да-да, банальная ревность! Кто бы мог подумать...

Заметив, что я практически совсем не уделяю внимания Кириллу, да и он держится со мной подчёркнуто холодно, одна гостья положила на него глаз и стала усиленно его обхаживать. Девушке этой было всего-то лет двадцать, но смелости и наглости ей было не занимать. Она то и дело приглашала его танцевать, спаивала шампанским, всё время подсовывала ему какие-то бутербродики, маслинки, пирожные — словом, прокладывала путь к его сердцу хорошо зарекомендовавшим себя способом: через желудок. При этом, разумеется, не забывала строить ему глазки и то и дело

прижиматься к нему то бедром, то бюстом. Бюст её, кстати сказать, был размеров выдающихся, причём выдающихся со всех сторон. И похоже, не силиконовый. Девушка эта вообще очень сильно смахивала на гибрид коровы с лошастью: ногастая, грудастая, с лошадиными зубами и зычным голосом. На редкость несимпатичная девушка. Я говорю так вовсе не из ревности. Я обратила на неё внимание ещё до того, как она стала клеить моего Барышева. Ещё подумала: надо же, с такой улыбкой только в триллерах сниматься! Или прохожих по ночам пугать...

Ну, а когда она стала бессовестно на него вешаться, я просто стала наблюдать за этим безобразием со стороны. Решила дать этой некрасивой, но очень нахрапистой девице возможность довести свою игру до конца. Поэтому танцевать я шла с другими партнёрами. И целоваться на потеху гостям я с ним не стала. И уж, конечно, даже не подумала пригласить его на белый танец. Но без партнёрши он, разумеется, не остался. Угадайте с трёх раз: кто его пригласил?

Мне кажется, поначалу мой бедный Барышев даже не понял, что эта «тётя Лошадь» взяла его в оборот. Потом сообразил, что как-то так получается, что танцует он всегда с одной и той же барышней. А потом такое повышенное внимание с её стороны стало его тяготить, я прочитала это в его

глазах. Пожалела и решила увести его оттуда.

Вот так, собственно, мы и оказались у меня дома. Но ему это-то как раз и надо было! А про назойливую барышню он забыл в ту самую секунду, когда мы покинули шумную свадьбу.

Кстати, из свадебного букета этой «лошадушке» не перепало ни цветочка! Ну, Барышева я ей не отдам, это понятно. Но вообще этой барышне, я думаю, долго придётся дожидаться своего принца. И много предстоит для этого потрудиться, в том числе и над своей внешностью, и над своими манерами.

Поскольку спать мы с Кириллом улеглись даже не столько поздно ночью, а скорее рано утром, то в воскресенье мы побили все рекорды по части беспробудного сна.

Когда я открыла глаза, на часах уже было около трёх. И проснулась я вовсе не оттого, что выспалась, а просто солнце перевалило через крышу и стало нахально светить в окно моей спальни. Получилось слишком ярко и слишком жарко.

Невероятным усилием воли я заставила себя открыть один глаз, встать, задёрнуть шторы и включить кондиционер. Теперь комната перестала напоминать ядерный реактор: плотные занавеси создали приятный полумрак, что позволило мне

открыть и второй глаз, а кондиционер, тихонько подвывая и двигая нижней челюстью, стал выдыхать мне в лицо волны холода, и это было настолько приятно, что я даже не то замурлыкала, не то застонала.

Эти звуки разбудили Барышева. Не открывая глаз и почти не разжимая губ, он спросил:

— Этот стон у них песней зовётся, да?

— Балда! Это я так выражаю восхищение тем, что никакая жара не помешает кондиционеру выполнить свой гражданский долг. И скоро наше милое домашнее пекло превратится в райский уголок.

Ну, до «райского уголка» было ещё... как до Москвы пешком. Но кондиционер старался вовсю, монотонно двигая челюстью.

Когда я была ещё совсем малышкой, то часто летом ловила стрекоз. А поймав, рассматривала: какие крылышки, какое тельце, какие глазки... И всегда удивлялась: надо же, такое эфирное создание, а челюсти, как у крокодила! Можно было, подставив стрекозе палец, на себе испытать мощь этих челюстей. Очень даже больно они щипались!

Работающий кондиционер всегда вызывает у меня эти воспоминания. Со стрекозы, что ли, их дизайн содрали?..

Постепенно в комнате стало прохладнее, и мы решили поспать ещё. А зачем вставать? Ни есть, ни

пить нам не хотелось. Ещё бы!.. После вчерашних острых закусок, огромного осетра, поросят с гречневой кашей и экзотических фруктов теперь бы надо дня три поголодать, причём на сухую, потому что жидкости мы вчера выпили... Я думаю, Чёрное море плюс Азовское плюс ещё один маленький заливчик. Море шампанского за здоровье молодых; море минералки по случаю небывалой жары; ну, и заливчик сока — так, для разнообразия.

В результате этих непомерных возлияний к сегодняшнему утру (которое для нас наступило в три часа пополудни) мы с Кирой стали похожи на китайских пчеловодов: опухшие физиономии с малюсенькими щёлочками глаз.

Лицо Барышева напоминало подушку. Моё лицо, подозреваю, выглядело так же. Я даже к зеркалу подходить не стала — чтобы не расстраиваться. Снова плюхнулась в кровать и отрубилась ещё на пару часиков.

Когда в старинных — ещё времён бабушкиной молодости! — ходиках на кухне пожилая кукушка надсадно прохрипела пять раз, я проснулась окончательно. Кирюша спал так же безмятежно, как и два часа назад. Будить его я не стала. Приняла душ, сварила себе кофе, уселась с чашкой на веранде и задумалась.

Перебрала в памяти те несколько очень странных фраз, которые произнёс пострадавший от

свадебного букета Гриша: «Наш банк «влетел» на девять «мультиков», но наш управляющий на радостях пьёт шампанское». Интересно...

Жаркий ветер шевелил засыхающую прямо на корню траву. Хорошо, что у нас в огороде ничего другого не растёт. Наш дедушка-биолог когда-то из обычного огорода сделал прямо-таки мичуринскую станцию. По рассказам бабушки, в те давние времена наш приусадебный участок был иллюстрацией к старому анекдоту: полез он на ёлку за укропом, да арбузами его завалило. Когда деда не стало, опыты закончились. Бывшая «мичуринская станция» снова превратилась в образцово-показательный огород. Самый обычный огород с помидорами, огурцами и зелёным луком на грядках. После смерти бабушки я ещё пару лет пыталась продолжать это дело, но в конце концов поняла, что из нас с Федей огородники, как из дикарей — космонавты. Вернее, первым это понял Федя и окончательно потерял к огороду всякий интерес. Я же ещё некоторое время пыталась противостоять засухе, граду, наглым птицам, коварным насекомым и прочим напастям, а Федька смеялся надо мной и с цифрами в руках доказывал, что убыточное земледелие — моё призвание. И то правда... Первые огурчики-помидорчики мы же всё равно покупали на рынке, причём по бешеным ценам, а свои овощи поспедали у нас тогда только,

когда их и так на каждом углу чуть не даром отдавали, так стоило ли мучиться с ежедневным поливом, окучиванием, опрыскиванием?! А однажды я посадила весной четыре ведра картошки, а осенью собрала... три с половиной. Это вместо ожидаемых двадцати. Причём сажала я картошку крупную, красивую, а собрала какое-то недоразумение размером с горошек. Вот какая из меня огородница...

И сейчас, слушая, как высохшие былинки печально стучаются друг о дружку, я радовалась, что у нас растёт только дикая трава и одуванчики. Не то сейчас бы мы имели на грядках готовый гербарий: высушенные кустики помидоров, клубники, картофеля...

Я снова мысленно всплакнула, пожалев те четыре ведра картошки, которые когда-то так бездарно сгубила. Вроде бы невелика потеря, а так жалко...

А есть люди, которые теряют миллионы, и при этом пьют шампанское! Надо же... Причём это не просто люди, это банкиры, для которых деньги — единственный интересующий их предмет. И такое необъяснимое легкомыслие кажется мне подозрительным...

От размышлений меня оторвал Кирилл. Он вышел на веранду, потянулся до хруста в суставах, зевнул до хруста в челюстях и спросил:

— Чем занимаешься?

— Думаю думаю. И кофе пью.

— Дай глоточек!

Я заглянула в свою чашку: на самом доньшке плотно лежал осадок.

Я виновато пожала плечами:

— Глотнуть уже не удастся. Можно разве что погадать на кофейной гуще... Кирюша, а скажи-ка мне вот что: если банк теряет огромную сумму денег, по какому поводу работники этого банка могут пить шампанское?

Он от неожиданности пару раз хлопнул ресницами, но быстро собрался с мыслями и сказал:

— Ну, вариант первый: они сами по какой-то причине постарались довести своё предприятие до банкротства, и их усилия увенчались успехом. Но это вряд ли, потому что такие дела если и делаются, так особо не афишируются. Вариант второй: банк на чём-то конкретно «попал», но сделка была застрахована, поэтому деньги они не потеряли. Точнее, потеряли, но потери им возместила страховая компания. Тогда работники банка действительно могут пить шампанское, а работникам страховой компании впору заказывать себе гроб с музыкой.

Я оживилась:

— Точно-точно! Там что-то говорилось о пострадавшей страховой компании... Похоже, этим

делом мы займёмся в самое ближайшее время...

— Мы с тобой? — поднял брови Барышев.

— Мы с Федей.

Похоже, Барышеву надоело стоять. Он плюхнулся в старенькое плетёное креслице, которое под его весом возмущённо хрюкнуло, и спросил:

— Анечка, любовь моя, ты способна думать о чём-то, что не связано с работой?

Я секунду подумала и честно ответила:

— Нет, не способна. Но я вполне способна понять своим убогим умишком, что тебе тоже хочется кофе.

Вскочила и метнулась на кухню — варить кофе Барышеву. Он проводил меня удивлённым взглядом. Я в ответ только улыбнулась и пожала плечиком. В самом деле, не рассказывать же ему, что вчерашняя девица с лошадиной улыбкой всё ещё не даёт мне покоя!..

Вечер мы провели довольно мило, но ночевать его я уже не оставила. Хорошего понемножку! Тем более что та девица, в которой я увидела соперницу, уже исчезла с горизонта.

Когда-то, на заре нашего знакомства, я боялась Барышева до дрожи в коленках. Я тогда играла роль домашней прислуги в доме Игната Игнатов, вчерашнего молодожёна, и мне по статусу полагалось с большим почтением

относиться к Барышеву, такому большому человеку, который, будучи крупным бизнесменом, являлся также депутатом областного совета. Но дело было даже не в разнице наших положений. Барышев смотрел на меня сверху вниз, разговаривал со мной сквозь зубы и вообще давил на меня психологически. А я не могла ответить ему так, как мне самой бы хотелось, потому что это означало бы выйти из роли, а в тот момент это было недопустимо. К тому же в самом Барышеве мы с Федей в то время подозревали возможного убийцу, и я сама толком не знала, как же мне к нему относиться.

Когда же дело было окончено, настоящий злоумышленник был найден и изолирован от общества, а я открыла своё истинное лицо, Барышева будто подменили. Из злого и жёсткого «хозяина жизни» он превратился во влюблённого мальчика: трепетного, несмелого, всё прощающего и на всё согласного. Такая разительная перемена не просто поразила меня: она меня потрясла. Тот человек, который запугивал меня и словом, и делом, и взглядом, вдруг стал буквально пылинки с меня сдувать. Конечно, мне это было очень лестно, спору нет, но простить его давнее отношение ко мне я так и не смогла, поэтому продолжаю мелко мстить.

Общаясь с Барышевым, я с большим

удивлением обнаружила в себе садистские наклонности: желание разозлить его, походя щёлкнуть по носу, между делом унизить, иногда поощрить, но тут же поставить на место: не забывайся, дескать, и помни, кто в доме хозяин. Но удивительно то, что он, кажется, не возражает. То есть с моим «садо» вполне совпало его «мазо». Ну, не в буквальном смысле, конечно, а так, по мелочам. В общем, мы нашли друг друга. И неудивительно, что я вчера так всполошилась, наблюдая за поползновениями нахрапистой девицы! Кому же охота потерять такого идеального партнёра по играм?

Правда, сам он наши отношения игрой не считает. Он относится ко мне так серьёзно, что можно бы и поменьше... И замуж зовёт не переставая. Но я действительно способна думать только о работе. Такая уж уродилась...

А сегодня он мне подбросил неплохую идейку... Я пока ещё не знаю, с чем именно придёт к нам в агентство этот Гриша из банка, да и придёт ли вообще, но если всё-таки придёт, нам с Федей надо будет сначала проверить: а не сами ли они хотели довести свой банк до банкротства?

Впрочем, выдвигать версии — Федина забота. И Гриша этот, кстати, тоже его друг. Его, а не мой! А я что? Я просто буду делать то, что мне велят...

Нет, подумать только: потерять девять

миллионов долларов! Это же умудриться надо...

В воскресенье мне всё-таки удалось обойтись без еды и питья (не считая той единственной чашки кофе, выпитой на веранде), поэтому в понедельник утром я была свежа и мила, как розовый бутон. В лице моём уже не осталось ничего от китайских пчеловодов, улыбка моя была ослепительна, настроение — боевое. Вот я и ринулась в бой.

Глафира, наша секретарша, сегодня была настоящим украшением нашей приёмной. Недавно она положила глаз на одного клиента, который, будучи миллионером, собирался уехать на постоянное место жительства в другое полушарие, на райские острова. Глашке тоже очень хотелось на райские острова. И замуж ей тоже хотелось. Причём желательно за миллионера. Она вознамерилась миллионера этого обаять, обворожить, влюбить в себя по максимуму и таким образом обеспечить себе райскую жизнь на райских островах. Для этого Глаша подвергла свою весьма средненькую внешность основательной переработке.

Миллионер этот, правда, оказался липовым, но Глафире так понравилось ухаживать за собой, что она стала заниматься этим на постоянной основе. А может быть, втайне надеялась, что следующий клиент окажется достойным её

внимания, а у неё уж и внешность нарядная готова!

Так или иначе, а превращение невзрачной, серенькой куколочки-личинки в нарядную бабочку и мне понравилось, и агентству нашему добавило шика.

Сейчас эта яркая бабочка сидела за компьютером и что-то печатала.

— Боже мой, Глаша, ты сегодня хороша как никогда! — поприветствовала я её. — Феликс уже здесь?

— Здесь, здесь... Видишь, работой меня завалил по самые уши, — скривилась она.

Интересно, а у бабочек бывают уши? Или только усики?

Я прошла в нашу главную комнату, которая гордо именовалась кабинетом.

Федя сидел за своим компьютером и тоже что-то быстро печатал.

Я обалдела:

— Мы что, сегодня празднуем День славянской письменности? Ты пишешь, Глашка пишет... Давай уж и я, что ли, напишу пару-тройку упражнений — с вами за компанию. «Жи» и «ши» пишется с буквой «и», это я помню. А остальные правила надо бы повторить, в памяти освежить... Ты мне что-то поручишь?

Федя оторвал глаза от монитора:

— Долго спишь, красавица! Что, никак с

милым расстаться не могла?

Я сокрушённо вздохнула:

— Милого своего я отправила домой ещё вчера. Но поскольку вчера мы с ним проснулись уже ближе к вечеру, то потом заснуть мне удалось уже ближе к утру. Полдня проспала, потом полночи бессонницей маялась. Вот и поспала утречком подольше... А что, случилось что-то? Клиенты валом повалили?

— Ну, не то чтобы валом... Гришу помнишь, которого свадебным букетом прибило?

— Помню, как не помнить! Он ещё прийти обещался...

— Он уже был здесь.

— И что? — оживилась я. — У нас теперь есть клиент и есть заказ?

— Заказ есть. А кто конкретно числится нашим клиентом, я пока что сам не понял.

— Однако это странно, — подняла я брови. — Клиентом считается тот, кто заказывает расследование и платит деньги, ты же меня сам учил! Разве что-то изменилось?

— Да тут, понимаешь, такая штука интересная... Деньги потерял банк «Партнёр», но страховая компания «Купол» им всё это компенсировала, поскольку страховой случай действительно наступил. Получается, пострадала прежде всего страховая компания, и именно она

заинтересована в расследовании дела о пропаже девяти миллионов долларов. Но платить за наши услуги им сейчас особо нечем, да и смысла как бы нет. Поскольку компанию скорее всего придётся объявить банкротом и пустить с молотка, зачем стараться? Это с одной стороны. С другой стороны, банк благодаря «Куполу» остался при своих денежках, за что «Куполу» они весьма признательны. К тому же банк боится снова попасть в неприятную историю. А чтобы этого не случилось, именно банк «Партнёр» заказывает нам расследование, банк же его оплачивает. В результате мы должны раскрутить весьма лихо закрученное дело. Ну, и если пропавшие деньги удастся вернуть, то крупно повезёт не столько банку, сколько страховой компании «Купол». Так что мы с тобой будем пытаться спасти компанию «Купол», но за деньги банка «Партнёр». Такой вот карамболь! А теперь скажи мне: кто наш клиент?

— Да уж... — озадаченно покачала я головой. — Задача явно не для третьего класса... Тут даже пятиклассник сломает себе все мозги!

— Так а я тебе о чём...

Феликс снова ушёл в свой компьютер. Я не поленилась, подошла, глянула на экран: он работал со своей базой данных, где были собраны известные нам финансовые аферисты. Что ж, дело хорошее...

— Федь, а Федь, а мне-то чем заняться?

— Погоди, сейчас закончу! — отмахнулся он. — Ты пока посиди тихонечко, не мешай...

— Ладно...

Тихонечко — так тихонечко. Я пошла к своему столу с намерением побродить по Интернету, узнать, что в мире делается.

Но узнать мне ничего не удалось. Верно говорят: хочешь Боженьку насмешить — что-то запланируй. До Интернета дело так и не дошло, потому что в кабинет влетела Настенька. Вид у неё был такой сияющий, что глянуть любо-дорого!

— А у меня для вас потрясающая новость! — пропела она прямо с порога.

Я всплеснула руками:

— Ты выиграла в лотерею? Надеюсь, не меньше миллиона? Нам бы это очень пригодилось...

Настя резко затормозила у моего стола:

— А зачем тебе миллион?

— Что ты, это не мне лично! Нам с Федей поручили найти девять «мультиков». Если бы ты подкинула нам хоть один, нам бы оставалось найти уже только восемь, а это же лучше, чем девять...

Федя посмотрел на меня взглядом строгой воспитательницы и только головой покачал. Молча.

Ой, подумаешь... Но дурачиться я всё-таки перестала.

А Настя сказала:

— Аня, не сбивай меня с мысли, а то что-нибудь забуду. Федя, слушай внимательно. Когда на свадьбе тот молодой человек заговорил о банке, я вспомнила, что у меня есть подружка школьная. Нелька. Вообще-то её зовут Лионелла, но в первом классе никто нас полными именами не называл, только уменьшительными. А мы сами друг другу ещё и клички придумывали. Так вот, Лионелла сказала, что её можно называть «Нелла», но наши языки отказывались выворачиваться наизнанку, произнося это варварское имя. К тому же замурзанная, конопатая и щербатая девчонка никак не тянула не то что на «Лионеллу», но даже на «Неллу», поэтому звать её мы стали Нелькой. Так она для меня на всю жизнь Нелькой и осталась.

— Трогательно, — кивнул Феликс. — А мы здесь при чём?

— А при том, что я вспомнила: Нелька наша, получив образование в финансовой академии, пошла работать в банк. Она в банке «Богатырь» работала, я помню. Решила просто позвонить ей, узнать, что да как, а заодно, думаю, секреты их банковские выведаю. Может, вам в работе это как-то поможет... Нашла у себя в записной книжке её номер домашний. Вчера названивала ей целый день, но безуспешно. Я тебе, Феликс, даже говорить об этом не стала, чтобы тебя зря не обнадёживать.

Её весь день дома не было. А мобильного её я не знала! Но сегодня утром мне повезло: только ты уехал, я снова набрала её, и представь, успела застать! Она ещё не ушла на работу. Только работает она уже не там. Из «Богатыря» ушла, в другой банк перешла с хорошим повышением должности и зарплаты. Только неладно у них там нынче. Большой облом недавно случился: чуть не обанкротились. И рассказала она мне в двух словах практически ту же историю, что и парень тот — ну, который под букет попал...

— И как же называется Нелькин банк? — заинтересовался Федя.

— Банк «Партнёр». А ваш как?

— И наш «Партнёр», — развёл он руками.

— Ах, так это один и тот же банк... — разочарованно протянула Настенька. — А я-то думала, что по нашим банкам прокатилась волна однотипных преступлений! С этой новостью и шла к вам, думала — вы обнаружите серийных преступников, банковских маньяков, прославитесь на весь мир... А это, оказывается, один банк...

Она поникла головой.

Федя удивился:

— А чего ты пригорюнилась? Это же замечательно, что твоя подруга работает именно там! Теперь у нас будет свой шпион, свои глаза и уши внутри заведения!

— Она не согласится шпионить!

— Не факт, — задумчиво сказал Феликс. — К тому же мы попросим её поработать не против своего банка, а совсем наоборот — во благо. Такой вариант твою подружку устроит?

Настя пожала плечами:

— Не знаю, устроит ли... По крайней мере, думаю, не возмутит.

— Вот и ладненько. А кем твоя Лионелла работает?

— Ой, у неё должность такая мудрёная, не запомнить! Я записала даже. Сейчас...

Настя полезла в свою сумку, долго там рылась, потом радостно сказала: «Вот она где!», выудила бумажку и с выражением прочитала:

— Заместитель начальника отдела кредитования. Вот!

— Ха-ха... Как сказал сам же Гришка, на ловца и зверь бежит! Давай-ка сюда твою записку, — протянул он руку и забрал у Насти бумажку. — Фамилия этой Лионеллы как будет?

— Пузырькова.

Я прыснула и закрылась руками. На мой взгляд, к фамилии Пузырькова больше бы подошло имя Прасковья. А тут — аж целая Лионелла! Хотя... Одноклассники же её Нелькой зовут до сих пор! А Нелька Пузырькова — это нормально.

Феликс записал для себя фамилию Лионеллы

и спросил Настю:

— Что ещё ты можешь о ней сказать?

Настенька задумалась:

— Ну, я даже не знаю... А что конкретно тебя интересует?

— Видишь ли, если мы начнём с ней работать, то интересует меня буквально всё: кто родители, кто муж, есть ли дети, не склонна ли она сама к хищениям в крупных размерах...

— Кто — Нелька?! К хищениям?.. — округлила глаза Настенька. — Да она, она... Она вообще человек честности небывалой! Мы с ней как-то в детстве возле магазина десятку нашли. По тем временам деньги сказочные! Обронил кто-то... Так она ко всем прохожим приставала, всё выяснить пыталась, кто же деньги потерял. Наконец кто-то сказал, что деньги его. Я думаю, соврал тот дядька, понял, что можно пожить на ровном месте... А Нелька так обрадовалась! Решила, что сделала дело хорошее, благородное... А ты говоришь — «к хищениям»... И не стыдно тебе?

— Не стыдно. Она, может, тоже тот случай забыть не может. Поняла, что дядька её облапошил. Потому и учиться пошла в финансовую академию, а не в сельскохозяйственную. Чтобы, значит, теперь самой умело присваивать чужие денежки. Такое тоже бывает, поверь мне!

— Не поверю! — упрямо мотнула головой

Настя. — Я сегодня собиралась повидаться с ней, расспросить о жите-бытье, детство повспоминать... А ты мне яду в душу налил. Зачем, Федя?

Он оживился:

— А вы уже договорились о встрече?

— Ну, практически да. Она оставила мне номер своего мобильного, а я ей — номер своего. Созвонимся, уточним время.

— Настюша, солнце моё, я тебя очень прошу: созвонись с ней и постарайся встретиться прямо сегодня! И порасспрашивай как следует! Она же тебе в порыве откровения может очень много интересного рассказать! Ты только не говори ей пока что ничего обо мне и моей работе, а то спрячется в свою ракушку! Или специально «дезу» подсунет...

— Чего подсунет? — опешила Настенька.

— Ну, дезинформацию. Чтобы направить следствие по ложному пути.

— А зачем бы ей это понадобилось?

— Ну, не знаю. Может, и не будет она этого делать. А вдруг будет? Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам... Но такой счастливый случай мы упустить не можем. Начальник отдела кредитования сам плывёт к нам в руки!

— Не начальник, а заместитель

начальника, — напомнила я.

— Да это же почти одно и то же! — отмахнулся он. — Одним словом, Настенька, ты уж поработай немножко на наше агентство, ладно? Тебе это будет не трудно. Всё равно же собиралась с подружкой встречаться!

— Ладно, — пожала плечами Настя. — Я всегда рада тебе помочь. Мне только не очень нравится, когда ты пытаешься из честного человека сделать вора. А в остальном — всё хорошо.

С этими словами она ушла.

Когда за Настей закрылась дверь, Феликс сказал:

— А теперь, дорогая моя сестрёнка, я тебе в двух словах обрисую наше новое задание.

— Что ты, братец, зачем так себя ужимать? Я не то что два, я и двести слов способна выслушать и запомнить! Не дурочка же я, в самом деле...

— Хорошо, слушай и запоминай. Петраковский Григорий Владимирович, он же — мой давний приятель Гришаня, работает в банке «Партнёр» начальником службы безопасности. И вот какую интересную историю он мне поведал.

В их банке пошёл большой невозврат кредитов от юридических лиц, причём не возвращались деньги, которые банк давал им на «раскрутку», то есть на расширение бизнеса.

Кредиты давались компаниям по управлению активами. Эти компании брали деньги якобы под акции крупных предприятий, активами которых они управляют, а на самом деле оставляли в залог просто макулатуру.

— Что значит «макулатуру»? — хмыкнула я.

В моём понимании макулатура — это связанные бечёвкой пачки старых газет. Когда мы с Федей были маленькими, то носили такие пачки в школу. Занятие это так и называлось: «сбор макулатуры». Бабушка наша была очень довольна, что таким образом и дом можно освободить от хлама, и сделать нужное для страны дело. Тогда ведь ещё не было этого новомодного садистского лозунга «Убей бобра, спаси дерево!». Нам, школьникам, объясняли, что деревья мы спасаем именно таким образом — собирая макулатуру.

Но банк же не мог выдавать кредиты под залог старых газет!

Федя объяснил:

— Существует много уважаемых компаний и предприятий, акции которых ценятся высоко. Так вот, мошенники придумали такую схему: они «клепали» одноименные компании, но регистрировали их в других местах. Ну, в других городах. В одном и том же городе ведь не регистрируют две компании с абсолютно одинаковыми названиями. Да и вопросов немало

это вызовет, и внимание ненужное привлечёт... А в любом другом городе — пожалуйста! Сколько угодно... Так вот, возникали новорождённые компании — полные тёзки компаний известных, уважаемых. Эти новые компании тут же выпускали свои акции. И под залог этих акций брались в банке кредиты. На самом деле это были не акции, а высококачественная туалетная бумага с голографической защитой. Ну, в том смысле, что место этим акциям... сама понимаешь где. Причём акции даже не обязательно было выпускать в бумажном виде. Иногда бывает так, что номинальная стоимость акций буквально копеечная. Бумага, на которой они печатаются, стоит дороже. Поэтому такие акции существуют только в электронном виде. Ясно?

— Про акции — ясно, — кивнула я, — а вот про Гришу Петраковского — не очень.

— А что ты не поняла? Гриша — начальник службы безопасности. Вся безопасность банка — на его плечах: от охранников на входе и до электронной безопасности, чтобы хакеры не взломали их компьютеры. Он, как пионер, — за всё в ответе.

— Так что же он проворонил липовые акции?

— Да в том-то и прикол, что акции были не липовые, а самые настоящие! Жалко только, что цена им — ноль...

— Так я об этом тебя и спрашиваю! Как можно было выдать деньги под залог мусорных бумаг?

Феликс почесал макушку:

— Гриша говорит, что кредиты эти оформлялись в тот момент, когда в банке работали студенты-практиканты. Ну, а с них взятки гладки...

— Со студентов-то — да, безусловно. Но у практикантов должны же быть наставники! Или это уже не в моде?

— Я задал Гришке этот вопрос.

— И что же он ответил?

— Ответил, что через банк ежедневно проходит девятый вал различных операций, и уследить за всеми просто невозможно. Те сделки, которые вызывают хоть малейшее сомнение, рассматриваются буквально под лупой. Ну, а если кредит просят под залог акций многоуважаемых предприятий, то банк этот кредит даёт с радостью. И спокойно дожидается возвращения суммы. А когда наступает час «икс», ожидаемый кредит не возвращается. Банк, правда, по этому поводу особо не расстраивается: у них же есть высоколиквидные акции, под залог которых и был выдан кредит!

А дальше, Нюрочка, события в «Партнёре» развивались так. Когда пошли массовые невозвраты денег, оказалось, что зло исходит от трёх компаний. Имеются в виду компании по управлению

активами. Так вот, на запросы банка эти компании не отвечают до определённого срока. Юридический отдел банка пишет претензии на юридический адрес фирмы. Ответа нет. На все повторные запросы от фирм-должников также нет ни ответа, ни привета. Банк пишет письмо регистратору акций с уведомлением, что акции были заложены, кредит не возвращён и согласно условиям договора акции переходят в собственность банка. Регистратор, признавая правоту банка и выполняя условия договора, у себя в компьютере меняет имя владельца. Таким образом, все формальности соблюдены, условия договора выполнены, все довольны, все смеются, и регистраторы поздравляют нового владельца, то есть банк, с тем, что он стал полноправным владельцем этих акций.

Я фыркнула:

— Всё понятно. Когда банк захотел продать эти акции, чтобы вернуть свои денежки, оказалось, что акции эти — сплошной неликвид. Говоря по-простому — фуфло. Так?

Феликс азартно потёр ладони:

— Нет, сестрёнка, там всё было ещё интереснее! Регистраторы, проведя все положенные операции по переименованию акций, спрашивают банк: вы будете собирать собрание акционеров? Банк в ответ удивляется: а мы что, имеем право? Какой у нас процент акций? И только тогда

выясняется, что — сто процентов. Ну, или почти сто. То есть банк стал не просто держателем какого-то количества акций предприятия, а фактически владельцем всего предприятия. Почувствовав неладное, наши банкиры спешно берут выписку из реестра: кто владец предприятия, где оно территориально расположено, где зарегистрировано... И тогда стали выясняться удивительные вещи. Например, большой кредит был выдан под акции горно-обогатительного комбината. Ну, этот кредит банк дал с радостью, потому что наш ГОК — предприятие уважаемое, стабильно работающее, приносящее своим владельцам миллионные прибыли. Но фокус заключался в том, что акции, которые остались в руках банка, к *нашему* ГОКу не имели никакого отношения. Это был *другой* горно-обогатительный комбинат, зарегистрированный в *другой* области. Умирающее предприятие, старое, бесперспективное. Его акции вообще ничего не стоят, и после невозврата денег наш многострадальный банк «Партнёр» становится держателем не ценных бумаг, а кучи мусора.

— Бедненький... — искренне пожалела я многострадальный банк «Партнёр». — Но это же, как я поняла, не единственная их потеря?

— Далеко не единственная, — сокрушённо вздохнул Феликс. — Точно такая же афера была

проделана с акциями завода ферросплавов. Ну, «завод ферросплавов» — это же всегда звучит гордо! Вон, в соседних государствах за такие заводы бьются металлисты-монополисты с мировым именем, заводы эти перепродают за миллиарды долларов! Но в нашем случае этот «завод ферросплавов» оказался тоже пустышкой. Ну, не совсем пустышкой, а мелким предприятием, работающим в сарае.

Я только головой покачала: надо же, чего только в мире не бывает...

Феликс продолжил:

— Ну, и третье предприятие, чьи акции перепали Гришкиному банку, это некий завод «Энергомаш», выпускающий экскаваторы и технику для прокладки тоннелей.

Я возмутилась:

— Но такой завод действительно существует! И он действительно выпускает экскаваторы и прочую тяжёлую технику!

— Правильно. И существует, и выпускает. Это тот, который находится здесь, у нас. А банку подсунули акции *другого* завода «Энергомаш», который только собирался начать производить продукцию тяжёлого машиностроения. Собирался, да так и не собрался. Гришаня подозревает, что зарегистрировали эту «пустышку» с одной только целью: выпустить ничего не стоящие акции и взять

под них огромный кредит. И что ты думаешь? Эта смелая афера века удалась на все сто процентов!

Я нервно сглотнула комок в горле:

— Ничего себе... Даже в голове не укладывается... И что в итоге?

— А в итоге то, что нам поведал в свадебный вечер Григорий-свет-Владимирович: банк потерял *девять миллионов долларов*! И теперь он приходит ко мне и говорит: слушай, друг мой Феликс, не в службу, а в дружбу: помоги эти денежки найти и вернуть! Каково, а?

Я пожала плечами:

— А зачем же ты соглашался?

— А зачем мы вообще существуем? — ответил мне брат вопросом на вопрос. — Кто же ещё им, горемыкам, поможет?

— Так они же не горемыки! — вспомнила я. — Точнее сказать, горемыки вовсе не они, а какая-то там страховая фирма!

— Ну да, — согласился Феликс. — Мы не рабы, рабы не мы... Нас просят украденные деньги найти. А как они их промеж себя делить будут, нас с тобой не касается. Усекла?

— Усекла. Где искать будем?

— Ха!.. Тот самый «детский вопрос», которого всегда так боятся знатоки из «Что? Где? Когда?». Простенький вроде бы вопросик, а попробуй-ка, ответь... Я пока что думаю. И ты

подумай. Вдруг умнее меня окажешься!

— Ну, это вряд ли... Стёпу Загорского надо звать.

— Свежая мысль. Едет уже Стёпа. С минуты на минуту здесь должен быть.

Степан Ильич Загорский — наш финансовый аналитик, гений бухгалтерского дела. От него одного в сто раз больше пользы, чем от десятка обычных детективов и «топтунов», способных только на то, чтобы часами «пасти» объект и время от времени делать фотографии: кто с кем встретился, где встретился, что передал... Стёпа — это наш персональный Шерлок Холмс в денежных вопросах. Погонь и перестрелок Загорский очень не любит, а вот финансовые махинации — это его конёк. Нам с Федей очень повезло, что у нас есть Степан Ильич.

Думаю, только в расчёте на Стёпкину гениальность Федя и взялся за это дело.

Степана Ильича я дожидаться не стала. Феликс расскажет ему то же, что и мне. А слушать второй раз подряд одно и то же мне не хотелось.

Дело шло к обеду. Выйдя в приёмную, я спросила Глафиру:

— Какие у тебя планы на ближайший час?

— А что? — вскинулась она.

Всё надеется, что её тоже когда-нибудь

«возьмут в дело», поручат какое-нибудь расследование.

Пришлось её разочаровать:

— Да я вот обедать собралась. Может, составишь мне компанию?

Она скисла:

— Ах, обедать... Нет, не могу. Мы сегодня с девчонками договорились в обед прогуляться. И как раз подошла моя очередь на новый детектив. Вот заодно у Лариски и заберу!

И Глафира, и её подружки обожают детективы. Глашка потому и пришла на работу к нам в агентство. Правда, работа её сильно разочаровала, поскольку в профессии секретарши нет ничего героического. Но читать детективы она не разлюбила.

А в их компании заведено так: покупается один детектив, и потом все по очереди его читают. Лариска, значит, уже прочитала, и теперь наступила очередь Глаши.

— Что ж, Глафира, желаю приятной прогулки и увлекательного чтения! А я обедать пойду.

Я вышла на улицу, но далеко не пошла. Села на лавочку в тени деревьев. Было слишком жарко, и мне не очень хотелось выходить из тени на раскалённый асфальт.

Достав мобильный, я набрала Кирилла:

— Барышев, я есть хочу.

— Сейчас, мой птенчик, в клювике принесу!
Тебе чего хочется?

— Не хочу в клювике, хочу за столиком! И желательно — на вольном воздухе.

— Так в жару лучше бы в подвальчике, да с кондиционером...

— ... да с воспалением лёгких, с «болезнью легионеров»... — подхватила я. — Нет уж, лучше на свежем воздухе.

— Тогда говори, где именно, — обречённо согласился Барышев.

Поскольку мне не хотелось по такому пеклу далеко идти, а уж тем более — ехать (автомобильные пробки — и так удовольствие небольшое, а уж в середине лета...), я назначила свидание недалеко от нашего офиса. Здесь есть небольшое кафе «Звёздочка», которое мне лично глубоко симпатично. Ума не приложу, почему именно «Звёздочка»? Надо будет спросить у Кирилла. Он умный, он вполне может это знать.

А тут и Стёпа Загорский подъехал. Аккуратно припарковал машину, вышел, квакнул сигнализацией. Потом увидел меня, махнул рукой. Я вяло махнула в ответ.

— Чего не заходишь? — крикнул Стёпа.

Я отмахнулась.

Стёпа, заинтересовавшись, подошёл ко мне:

— А что так? Федька тебя с работы выгнал,

что ли?

— Почему это сразу «выгнал»? — возмутилась я. — Может, я сама подала прошение об отставке...

— Ты это серьёзно? — выпучил глаза Стёпа.

У него от удивления даже очки на лоб полезли. Ах, Стёпа, Стёпа, святая простота...

Я обмахнулась ладошкой наподобие веера:

— Нет, что ты... Это я так неудачно пошутила. От жары, должно быть... А ты иди, иди внутрь! Там хорошо, прохладно... Да и Феликс тебя давно дожидается! Работёнка интересная подвалила. Я уже прослушала вводную лекцию, теперь твоя очередь. Да не забудь по дороге Глашке комплимент сделать! Она сегодня хороша необыкновенно!

— Ты думаешь, она специально для меня нарядилась? — заинтересовался любвеобильный Степан.

— Вряд ли. Но не пропадать же красоте втуне! Восхитись прямо с порога, скажи, что сегодня она просто ослепительна. От тебя же не убудет, а девушке приятно...

Пожав плечами, Стёпа пошёл в агентство, а я поплелась в сторону кафе.

Когда я подошла к «Звёздочке», Кирилл как раз парковал машину.

Взойдя на помост-веранду, мы выбрали

столик, сделали заказ.

Когда официантка с нашим заказом отбыла в сторону кухни, я спросила:

— Кирюша, как ты думаешь, почему это кафе так странно называется? Может, его владелец бредит космосом? А вот у меня слово «звёздочка» вызывает стойкие ассоциации с моим октябрятским детством. Я во втором классе была командиром «звёздочки». Барышев, а ты был командиром «звёздочки»?

— Увы и ах... Такого высокого доверия мне не оказали, — горестно вздохнул он и развёл руками.

— Позор тебе на веки вечные! А хозяин этого кафе, думаю, был!

— Не обязательно. Ты что же, не видела на входе надпись: «Работаем круглосуточно»? Я думаю, в этом всё дело. Кафе это, как звёздочка, светит всю ночь. Каждый может заглянуть на этот огонёк.

— Надо же, Барышев, какой ты умный! — восхитилась я. — Рада, что не ошиблась в тебе...

Надпись я, конечно, видела, но как-то не связала с названием. Вот вам и наглядное различие между мальчиками и девочками: девочки мыслят ассоциативно, а мальчики рассуждают логически. Мне в моей работе пригодилось бы и то, и другое.

Не буду об этом обломе рассказывать

Феликсу. Засмеёт и подзатыльников надаёт...

Официантка принесла первое блюдо. Окрошка была такая холодная, что зубы ломило. Я решила дать ей возможность нагреться хотя бы на пару градусов.

Кирилл тоже не спешил приступать к еде. Лениво помешивал ложкой в тарелке. Потом, устремив взор к горизонту, сказал тусклым голосом:

— Аня, у меня назревают большие неприятности...

Я только молча подняла брови и выжидающе уставилась на него.

Но он ничего больше говорить не пожелал. Стал не спеша прихлёбывать свою окрошку, как будто и не он только что произнёс эти слова.

Ладно. Если человек хочет что-то сказать, то вряд ли ему что-то может помешать. А если он говорить не хочет, то тут уж ничего не поделаешь. Я, во всяком случае, клещами из него информацию тащить не собираюсь!

Поэтому я тоже не спеша стала есть свою порцию. Окрошка за это время слегка нагрелась и уже не так ломила зубы.

Первое блюдо мы доели в полном молчании. Со стороны, думаю, мы выглядели обычными людьми, которые просто мирно обедают. Но на самом деле Барышева что-то мучило, а меня

сжигало любопытство: что же могло случиться?

Чтобы не поддаваться искушению начать приставать к нему с вопросами, я стала в уме перебирать варианты. Что может серьёзно расстроить Барышева? У него неприятности с налоговой? На него «наехали» бандиты? Или он сам, того не зная, перешёл кому-то дорогу?

Официантка забрала опустевшие тарелки и тут же принесла горячее. Кирилл заказал дыплёнка-гриль, а я — шашлык.

Кухня не подвела. Шашлычок был, что называется, с пылу — с жару, исходил прозрачными слезами пузырящегося сока. Запах от него исходил умопомрачительный!

Я потёрла руки в предвкушении праздника желудка, и тут Кирилл сказал:

— Помнишь, на свадьбе какая-то девица на меня вешалась?

Вот это да... Это называется — привет из прошлого... Я-то о ней уже забыть успела! Рано расслабилась...

— И что эта девица? Достаёт тебя? Не надо было давать ей номер телефона...

Я старалась говорить как можно более непринуждённо, но у меня плохо получалось.

— Аня, тут не в самой девице дело. Она, конечно, положила на меня глаз, но это бы ещё полбеды...

Мне стало интересно:

— А вторая половина беды в чём заключается?

— Вторая половина беды заключается в её папаше.

— А кто у нас папаша?

— Очень уважаемый в преступном мире авторитет.

Я присвистнула:

— Скажите пожалуйста... Да ладно, не дрейфь, прорвёмся! Сейчас же не девяностые годы, чтобы бандитов всерьёз бояться!..

Он тяжело вздохнул:

— А он не только бандит. Он ещё и депутат областного совета. То есть мой коллега и даже руководитель той комиссии, в которой я числюсь. А значит — мой непосредственный начальник в совете. Да и бизнес мой от него во многом зависит...

— Подожди, Кирюша, ещё же ничего не случилось... Мало ли на кого барышня положит глаз... А может, любящий папаша считает, что ей рановато думать о серьёзных отношениях? Или просто ты ему не нравишься?

В глазах Кирилла я прочитала ответ. Мне стало ясно, что он папаше-авторитету не просто нравится, а *очень* нравится. И что авторитет давно уже мечтает пристроить доченьку замуж. А уж если

доченька сама «запала» на положительного во всех отношениях и очень перспективного Барышева, то у самого Барышева вырваться из лап той семейки шансов — ноль.

Аппетит у меня пропал. Запах жареного мяса, который только что вызывал повышенное слюноотделение, стал вызывать тошноту. От одной мысли, что какая-то «тётя Лошадь» может отобрать у меня любимую игрушку, мне в самом деле становилось плохо.

Нет, ну мы так не договаривались! У нас с Кириллом сложились определённые отношения, и зачем нам третий-лишний?

Совершенно ни к чему...

Я терзала ножом на тарелке кусочек мяса и всё не решалась поднести его ко рту. Есть я точно не могла.

Кирилл лениво ковырял вилкой своего цыплёнка. У него тоже пропал аппетит.

Пообедали, называется...

— Что же нам делать, Кирюша?

— Я и сам хотел бы это знать! Говорил же тебе: Аня, давай поженимся! И в наших отношениях была бы определённость, и ситуации этой двусмысленной сейчас бы не было...

— А что, теперь жениться уже поздно?

— Не то что поздно, не то что рано... Бесплезно просто. Ты для семейной жизни ещё не

созрела, я вижу. А Верочка созрела давным-давно, и тут как раз я подвернулся...

Понятно. «Тётю Лошадь», значит, Верочкой зовут...

— А по отчеству как?

— Леонидовна. А тебе это зачем?

— Так просто интересуюсь. Значит, Верочка Леонидовна Лошадь...

— Кто лошадь? — не понял Барышев.

— Да зазноба твоя! Ты что, не помнишь, как она выглядит?

Он не ответил, только ещё больше закручинился.

Мне было очень жалко себя, а вот Барышева не было жалко ни капельки. А нечего было всем подряд глазки строить! Вот и влип в историю...

— Да никому я глазки не строил! — возмутился Кирилл и в сердцах так швырнул на стол вилку, что она зазвенела, запрыгала по столешнице и свалилась на пол, а люди за соседними столиками уставились на нас с любопытством.

Про глазки я, значит, вслух сказала...

Веранду, где мы сидели, по периметру обрамляли вьющиеся и плетущиеся растения, подвешенные в красочных кашпо. Их заросли, эти кукольные джунгли, укрывали обедающих от любопытных взглядов прохожих, но от людей,

которые, как и мы, обедали здесь, на веранде, защиты не было.

Я не очень люблю находиться в центре внимания, поэтому, опустив глаза, прошептала:

— Пойдём-ка отсюда, а? Неудобно...

Посетители явно жаждали продолжения скандала. Вилки у нас уже летали. Теперь, конечно, подошла очередь бить тарелки. Разве ж можно пропустить такое?

Барышев, глядя в стол, чтобы не встречаться ни с кем глазами, расплатился с подлетевшей на звук упавшей вилки официанткой, и мы скользящей походкой — бочком, бочком — вышли на свободу.

Здесь нам предстояло решить, что же делать дальше: продолжить увлекательную беседу или разойтись по своим делам.

Мне бы, конечно, надо было вернуться в агентство, узнать, до чего договорились Стёпа с Феликсом, и получить свою порцию заданий. Но отпустить Кирилла в лапы папаши-авторитета, где его уже, может быть, дожидается моя соперница? Да ни за что!

Я промокнула тыльной стороной ладони лоб, потом носовым платочком демонстративно убрала с шеи несуществующие капельки пота и сказала:

— Жарко-то как... А не искупаться ли нам, Кирюша?

Он изумлённо вытаращил глаза:

— В середине дня?!

— А когда же ещё? Самое что ни на есть пляжное время! Я по ночам купаться не очень-то люблю...

Он немножко поразмыслил:

— А с другой стороны... Почему нет?

Мы загрузились в его машину и поехали ко мне домой.

Дачный посёлок, где я живу, имеет одно важное преимущество перед сотней других подобных посёлков: у нас есть настоящий пруд с настоящим пляжем! В условиях такого аномально жаркого лета, какое случилось в этом году, переоценить существование такого прудика невозможно. Сколько панегириков ему не спой, всё будет мало.

Кирилл во двор заезжать не стал, припарковал машину у ворот. Здесь невысокая, но достаточно развесистая вишенка давала неплохую тень.

В доме было тихо и прохладно. Благодать!

— Кир, а Кир, может, не пойдём куда? В доме жару пересидим?

— Нет уж! Привезла меня купаться — будь добра, веди на пруд!

Он нашёл в моём шкафу свои плавки, быстренько переоделся и посмотрел на меня вопросительно.

Что же делать, пришлось и мне переодеться в купальник.

Потом я задумалась: что взять с собой на пляж? Ну, старое покрывало времён бабушкиной молодости, чтобы на нём лежать, — это понятно. Мяч и бадминтон нам сегодня вряд ли пригодятся. А вот маленький приёмничек очень скрасит наше пребывание у воды. Так, ещё — головные уборы и бутылка минералки. Всё, кажется...

Вспомнив, что мы так толком и не пообедали, я сунула в пляжную сумку пачку галетного печенья. Вообще-то я больше люблю печенье с кремовой прослойкой, но такого под рукой не оказалось. Ладно, обойдёмся галетным. В жару ни сладкого, ни жирного обычно не хочется.

Вот, собственно, и все сборы.

Закрыв дом, мы пошли на пляж.

На пляже было удивительно малоллюдно. А впрочем, что же здесь удивительного? Когда солнце в зените, загорать могут только полные обалдуи. Ну, ещё мы с Барышевым. Но у нас уважительная причина: нам в другое время некогда.

Покрывало своё мы расстелили у самой воды, в тени плакучей ивы. Ива, правда, тень давала очень кружевную, то есть условную. Но даже такая тень лучше, чем вообще никакой. Бросив вещи, мы сразу же пошли купаться.

Я бы не сказала, что купание нас очень уж освежило. Вода в прудике прогрелась до температуры лечебной ванны. Розовая мечта стареньких бабушек и их малолетних внучат!

Проплыв стометровку туда-назад, Кирилл, отфыркиваясь, сказал обиженно:

— Я же думал, здесь прохладно...

Я развела руками:

— Извини, милый, так получилось... Можем вернуться в дом, там есть холодный душ...

Но мысль о душе Кириллу почему-то не приглянулась. Выйдя на берег, он со всего маху бросился плашмя на покрывало. Я упала на него сверху и затихла.

Он потерпел это пару секунд, потом понял, что сползать с него я не собираюсь, и спросил:

— Ты что, так и будешь на мне лежать?

— Угу...

— Чего вдруг?

— Чего, чего... Во-первых, ты мягче, чем земля. Во-вторых, я же от солнца тебя закрываю, чтобы жарко не было!

Он не нашёл, что на это возразить.

Но минут через пять мне самой это разонравилось. Кирилл, конечно, был мягкий, но очень горячий. А в такую жару, мне кажется, наши с ним температуры тел не выравнивались, приходя к среднему арифметическому, а просто

суммировались. Да плюс раскалённый воздух вокруг и нещадное солнце сверху... В общем, суммарная температура, я думаю, перевалила за сто градусов. Чтобы не закипеть и не свариться, я благоразумно сползла с его спины и тихонечко улеглась рядом на покрывало.

— Слава богу, догадалась... — буркнул он, не открывая глаз.

— Не поняла... Барышев, а чего это ты мне целый день хамишь? Думаешь, если бандитский авторитет присмотрел тебя себе в зятья, так можно теперь Аньку Ермолаеву со счетов сбрасывать?!

Ну, тут я слегка отошла от истины. Хамил он мне вовсе не целый день, и, правду сказать, не так уж и хамил, но всё равно это было удивительно! Было, конечно, в нашей жизни время, когда он себе позволял нечто подобное, — это когда я работала телохранителем Игната Игнатов, притворяясь его домработницей. Но когда расследование покушений на Игната было закончено и маски сняты, Барышев, пережив шок, больше никогда не позволял себе говорить со мной пренебрежительно. И вдруг — рецидив... С чего бы это?

Сейчас Барышев своё поведение объяснять не стал, предпочёл отмолчаться. Ну и ладно! Навязываться не буду.

Я включила приёмничек, покрутила колёсико настройки. Сквозь шум и треск в эфире радостно

прорвалось «Русское радио», сообщив, что «чем шире наши морды, тем теснее наши ряды». Что ж, с этим спорить трудно...

Под музыкальные вопли так называемых «звёзд» я погрузилась в думы о том деле, за которое сегодня взялся Феликс.

С одной стороны, если преступление это — чисто финансовое, так Стёпа с Феликсом и без меня там обойдутся. С другой стороны — никто не мешает мне тоже поломать голову над этой головоломкой. С третьей же стороны — раз уж Феликс даже Настеньку сюда «припахал», так мне-то, штатному работнику, точно не удастся отсидеться в окопе...

Как бы Настенька по неумению не спугнула эту, как там её... Что-то из семейства кошачьих... Леопольда, что ли? Нет, Лионелла! Начнёт выпрашивать, а та уши наострит, быстренько всё сообразит как надо, концы в воду спрячет...

А вдруг Лионелла там вовсе ни при чём? И вообще не особенно в курсе дела? И не сможет дать нам никакой полезной информации? Тогда, выходит, зря Настеньку Феликс забросил в тыл врага?

Хотя почему, собственно, зря? Ну, не узнает она для нас ничего полезного, и что здесь страшного? До сих пор мы же как-то без неё обходились, и ничего, справлялись... Зато сама

Настенька с подружкой пообщается, детство вспомнит!

— Да, ты права, — сказал Барышев.

Я испуганно дёрнулась: что, я снова говорила вслух?..

— В чём права, Кирюша?

— Во всём виноват Гусев.

— Какой ещё Гусев? — испугалась я ещё больше.

Ни о каком Гусеве говорить я не могла, потому что не знаю никого с такой фамилией!

— Гусев — это отец Верочки. Гусев Леонид Иванович, — пояснил Кирилл.

Боже, как трогательно... Эту деваху, «тётю Лошадь», он упорно называет Верочкой. Я, человек с высшим образованием, прошедшая стажировку в Англии и получившая сертификат международного образца, совладелица солидного агентства, дочка и внучка кандидатов и докторов наук, отзываюсь на имя Нюрка, а она, бандитская дочка без единой извилины в голове и с крокодильской внешностью — *Верочка* ?!.

Погоди, Барышев, попляшешь ты у меня...

— И чем же этот Гусев так перед тобой провинился?

— Это он сам, я думаю, предназначил меня в мужа своей любимой доченьке.

— ... а потом заслал её на Липкину свадьбу и

приказал весь вечер висеть на тебе брошкой, да? Не выдумывай, Кирилл, и не сваливай проблему с больной головы на здоровую. Я видела, как она тебя весь день обхаживала, облизывала, чуть не съела вместе с фраком и «бабочкой»! Такие дела барышни творят не по указке родителей, а по велению души. Уж можешь мне поверить... Да и ты сам не очень-то уклонялся от её ухаживаний и заигрываний! Тебе это тоже кто-то велел?

— Да я просто не понял ничего! — стал он оправдываться. — Столько новых людей вокруг, калейдоскоп лиц, ты меня подчёркнуто игнорируешь, танцуешь со всеми подряд... А если меня тоже кто-то приглашает, так разве это преступление? Да я и вовсе понятия не имел, кто эта девушка...

— А кстати, как она на свадьбе оказалась? Не Липкина подружка, не родственница... Может, она из тех тусовщиц, которые не пропускают ни одного мероприятия, которые умеют без пригласительных билетов проходить куда угодно?

— Да было у неё приглашение, — вздохнул Кирилл. — Игнатов пригласил Гусева с семейством. Ну, а от всей семьи явилась одна только Верочка.

— Верочка Леонидовна Лошадь.

Если я ещё раз услышу это милое слово «Верочка», я этого Барышева искусаю, честное

слово!

Чтобы прекратить этот разговор, я сделала музыку погромче, перевернулась на спину и положила на лицо панамку. В конце концов, мы же сюда загорать пришли, а не разговаривать про лошадь по имени Верочка!

Минут через десять Кирилл, устав от чересчур громких песен, стал звать меня купаться. Но я сказала, что с предателями не купаюсь.

— Чего это? — удивился он.

Не снимая панамку с лица, я пожала плечами:

— Не знаю... Привычка такая! И инстинкт самосохранения. Вдруг бандит Гусев, чтобы расчистить дорогу своему горячо любимому чаду, поручил тебе ненароком утопить меня...

— Дура ты, Анька! — в сердцах сказал Кирилл. — Вот объясни мне, как может умная девушка быть такой дурой, а? Не понимаю...

Я сняла панамку с лица, села, прислонившись спиной к стволу ивы, сделала максимально глупое выражение лица и сказала заунывным голосом:

— А мы, Аньки да Нюрки, завсегда в дурах ходим. Прощенья просим, дяденька, за бестолковость... А понимания вы ищите у благородных Верочек...

Кирилл досадливо цыкнул, сплюнул в песок и пошёл купаться. А я так и осталась сидеть под ивой, размышляя сразу обо всём: о бандитской дочке, о

своём отношении к Барышеву, о пропавших миллионах, Нельке Пузырьковой, музыкальной моде в радиозэфире и многом другом, что плохо вязалось одно с другим, но в моей голове каким-то причудливым образом молниеносно складывалось в единую мозаику.

Галетное печенье так и осталось не востребуемым. Ни у Кирилла, ни у меня аппетита опять не было. Если бы я заранее знала, что так получится, то ничего бы не ела с самого утра, и получился бы у меня суточный голод, замечательная оздоровительная процедура! А так — ни то, ни сё... Ни от голода никакого удовольствия, ни от еды...

Когда солнце ушло из центра неба и стало медленно, шажок за шажком, спускаться вниз, нормальные люди стали подтягиваться к пляжу. А мы с Кирой с пляжа ушли. Но мы, кстати, никогда и не позиционировали себя как людей нормальных. Это же такая скука...

В общем, решили мы оба вернуться в город. А что? Чем лежать на песке, дуться друг на друга и вяло переругиваться, лучше вернуться на рабочее место и сделать что-то полезное.

Кирилл высадил меня у агентства и поехал к себе. А я пошла внутрь, гадая, что же скажет мне братец по поводу моего долгого и

несанкционированного отсутствия.

Но он ничего мне не сказал, потому что сам отсутствовал. Степана Ильича тоже не было. А была здесь одна Глафира, занятая, как всегда, чтением рассыпающегося в руках детектива в мягкой обложке. Я постояла молча, созерцая эту умилительную картину: Глаша читает.

Почувствовав мой взгляд, она оторвалась от книжки, глянула исподлобья:

— Чего?..

— Да ничего... Мысли разные приходят в голову...

— Какие такие мысли?

— Так говорю же — разные. Ну, например, такая мысль: у нас в агентстве не приёмная, а прямо-таки изба-читальня. Как тебе мысль?

Она набычилась и снова уткнулась в книжку.

Я продолжила:

— Или вот ещё такая мысль: когда ты перестанешь быть в очереди седьмой? Или ты уже не седьмая, а пятнадцатая?

— А тебе что за печаль? — огрызнулась Глашка.

Я скривилась:

— Грубо. И невежливо. Во-первых, я — твой работодатель, и вправе ждать от тебя уважения и выполнения в рабочее время своих прямых обязанностей. Во-вторых, мне больно смотреть, в

каком плачевном состоянии находятся книжки, которые попадают тебе в руки. Может, тебе есть смысл хотя бы раз в жизни потратиться самой? А не ждать целый месяц очереди, не сортировать выпадающие листочки... Это же такое удовольствие — новенькая книжка, абсолютно целая, а не рассыпающаяся в руках...

Она задумалась. Такая простая мысль, а какая заманчивая...

Уверенная, что переубедила её, я направилась в кабинет.

И тут мне в спину полетела фраза:

— Ничего не получится. Так я только очередь собью.

Я обернулась и посмотрела на неё озадаченно.

Глафира пояснила:

— Книжки всегда покупает Лена. У неё самая большая зарплата, ухажёры всегда при деньгах, родители в этом плане тоже не обижают. Так что на книжки всегда тратится она. Она и читает первая. За ней читает Валюха. Потом — Светланка. Дальше — Маринка, Лиля, Лариска. И потом уже — я.

Перечисляя подружек, она загибала пальцы.

Я заинтересовалась:

— А почему именно ты читаешь последней?

— Ну, не знаю... Так уж исторически сложилось, — пожала она плечами. — А если книжку куплю я, нам придётся очередность

устанавливать заново, что ли?

— А что тут такого? — удивилась я.

— Ну, как же... Лена, которая всегда читает первой, может оказаться в очереди, к примеру, четвёртой? Или даже седьмой?

— Ну, побудет ваша Лена четвёртой. Или даже седьмой. Объяснишь ей, что ротация кадров — это сейчас модно. А у самой Лены появится возможность подержать в руках книжку, которая на ходу теряет листочки. Вдруг ей так даже больше понравится?

— Вряд ли, — покачала Глашка головой. — Да Лена не сможет ждать так долго! Она же всё равно себе купит такую же книжку и сразу же её прочитает! А зачем нам две одинаковые?

Мне надоел этот глупый разговор ни о чём.

— Глафира, а Загорский где?

— Так они с Феликсом вместе уехали.

— Давно?

— Часа два назад.

— Мне что-то передавали?

— Тебе велено сидеть здесь и дожидаться.

— Чего дожидаться? С моря погоды?

Глашка разозлилась:

— Откуда я знаю? Мне было сказано так: придёт Аня — пусть сидит здесь и ждёт. А чего именно тебе ждать — звони сама и выясняй! Ясно?

— Ясно. Неясно только, зачем нам нужна ты!